

УДК 801:56 [811.161.1 + 811.162.1]

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Колосова Е.И.

Постановка проблемы. Известно, что социокультурная символика слов, связанных с различными человеческими ощущениями и восприятиями окружающей действительности, представлена чрезвычайно разветвленной системой во всех языках мира. И первое место, несомненно, занимают прилагательные-цветообозначения. Национально-культурный аспект таких слов очевиден, он реализуется в повседневной жизни, непосредственно связан с культурными представлениями этноса. На наш взгляд, определенную сложность представляет изучение, сопоставление языкового материала родственных языков, каковыми являются славянские языки: русский, украинский, польский, чешский, болгарский и др. Несмотря на близость культурных традиций, на фонетическое сближение языков, приводящее к частым семантическим совпадениям, все-таки следует учитывать, что это совершенно разные языковые и культурные ментальности. Это, несомненно, проявляется на различных языковых уровнях. Опасность кроется, прежде всего, в близких по звучанию лексемах, которые имеются в данных языках и, казалось бы, легко могут быть поняты носителем другого языка, но при сопоставлении устойчивых сочетаний с цветовым обозначением следует учитывать, что символика цвета у каждого народа специфична: ср.: рус. *на блюдечке с голубой каемочкой, лежит как сивый мерин*, укр. *працювати як чорний віл* (в знач. 'тяжело трудиться'), *білим світом нудити* (в знач. 'скучать, томиться'), болг. *гледам през розови очила* (в знач. 'смотреть наивно'), *жълта треска* (в знач. 'лихорадка'), пол. *rządzić się jak szara gęś* (в знач. 'самовольничать'), *blękitny walc* (досл. 'голубой вальс' в знач. 'белый танец').

При сопоставлении ФЕ с цветовым компонентом в ряде славянских языков важно отметить и неровное восприятие одного и того же цвета у разных народов. Так, цветовые атрибуты *бурый, рябой, серый, голубой* образуют безэквивалентные образования в языках, в одних *сивый, рябой* встречается, а в других отсутствует. Это обязательно следует учитывать при переводе, так как дословный перевод не раскрывает понятийную сторону, хотя и понятен носителю другого славянского языка. Ср.: рус. *взять под красный карандаш* (в знач. 'запретить'), укр. *сон рябої кобили* (в знач. 'путаница, бред'), пол. *zielona granica* (досл. 'зеленая граница' в знач. 'неохраняемая пограничниками территория'). Одним из частотных цветов, употребляемых в устойчивых сочетаниях, является атрибут *красный*. Многообразие значений выделяет это прилагательное и дает возможность создания новых сочетаний: рус. *красная цена* (в знач. 'хорошая'), укр. *красне місце* (в знач. 'почетное'), чеш. *krasna žena* (в знач. 'красивая'), пол. *czerwony jak burak* (в знач. 'цвета') и др. Любопытно, что первоначальное общеславянское значение атрибута *красный* в знач. 'красивый'

практически не используется в польском языке (единичный пример: *Co czerwone, to ładne, a co słodkie, to dobrze* (досл. что красно, то красиво, а что сладко, то хорошо), тогда как в русском языке много устойчивых выражений с данной семантикой: *красна девица, Красная площадь, красное словцо* и др. В украинском и чешском языках семантическое различие дало жизнь нескольким лексемам, обозначающим этот цвет: укр. *красний, червоний*, чеш. *krasny, červený, rudý*. при этом укр. *красний* – чеш. *krasny* сохраняют первоначальную семантику в значении ‘красивый’: укр. *красна дівчина*, чеш. *krasny park* (но *Rude náměstí* в знач. ‘Красная площадь’). В русском и украинском языках широко используются фразеологизмы с атрибутом *красный* в значении ‘цвет’, при этом следует отметить, что ассоциативное восприятие связывает этот цвет с опасностью, тревогой, предупреждением: *красный петух* – пожар (*пустить красного петуха* – поджечь) = укр. *підпалити червоного півня*, рус. (уст.) *забрать под красную шапку* – забрать в солдаты.

Наличие параллельного употребления цвета *серый* – *szary* для обозначения заурядного, обычного характерно для славянских языков в целом: русск. *серая мышка*, пол. *szary człowiek*, болг. *сив живот* (в знач. ‘серая, неприглядная жизнь’). В русском языке употребление этого цвета во фразеологизмах крайне редко, возможно при ассоциативном восприятии: *серое вещество* (знач. ‘мозг’). В польском языке было отмечено большее количество устойчивых сочетаний с лексемой *szary*: *szary koniec* (в знач. ‘самый конец’), *szara godzina* (в знач. ‘сумерки’), *rzadzić się jak szara gęś* (досл. ‘управляться как серая гусыня’ в знач. ‘самовольно хозяйничать’), интересно появление сложного глагола с двумя корневыми морфемами *szar-* и *gęś-* в польском языке *szarogęścić* со значением, полностью эквивалентным приведенному высказыванию – ‘самовольничать’).

Как было отмечено выше, есть случаи несовпадения в использовании цветовых атрибутов во фразеологических языковых фондах. В русском языке широко представлены фразеологические единицы с цветовым компонентом *синий* (общеслав.): *синяя птица, гори все синим пламенем*, (уст.) *ни сивь пороха* (знач. ‘совсем ничего’), (заимств.) *синий чулок, синяя борода*. В польском и болгарском языках этот цвет практически не используется, за исключением устойчивого сочетания в польском *sinu ze złości* (досл. синий от злости) и болгарского *синя кръв*, сопоставимого с русским и украинским: *голубая кровь, голуба кров*. Употребление в русском языке цветового атрибута *голубой*, в отличие от польского, может быть объяснено тем, что эта лексема появилась уже после раздела на восточно- и западнославянскую группы. Например, *голубой* (в-сл. голубь): *голубая кровь, <получить> на блюдечке с голубой каемочкой* и др. Этот цветовой атрибут в русском языке достаточно популярен: на современном этапе появляются образные выражения типа: *голубое топливо* (‘газ’), *голубые береты* (‘морские пехотинцы’), *голубые экраны* (‘телевизоры’), *голубые каски* (‘войска ООН’). Компонент *розовый* – *różowy* заимствован славянскими языками из немецкого, восходит к лат. *rose*, отмечен только единичный случай использования в языках: рус. *смотреть сквозь розовые очки*, пол. *patrzeć przez różowe okulary*, укр. *бачити в рожеві окуляри* болг. *гледам през розови очила* (в знач. ‘идеализировать что-либо’).

Совершенно идентичными по семантике признаются выражения: рус. *доводить до белого каления* – пол. *rozpalić do białości* (‘высшая степень чего-либо’), рус. *черным по белому*, пол. *czarno na białym*, болг. *черно по бяло* (в знач. ‘явно, очевидно’). В языках фиксируется использование компонента *белый* – *biały* в номинации явлений, связанных с

зимой: рус. *белые мухи* ('снег'), *белая олимпиада* ('зимняя'), пол. *Białe Świątki* (досл. белые праздники, в знач. 'Рождество Христово'), *biały świat* (зима), несовпадение с рус. *белый свет* ('окружающая действительность'). Есть специфические сочетания, характерные для того или иного языка: рус. *белый билет* ('освобождение от воинской обязанности'), *шито белыми нитками* ('неумело скрыто'), *белые ночи* ('явление, характерное для северных широт'), пол. *biała dama* ('мифическая фигура (привидение), появляющееся якобы в немецких замках'), *biały wieniec* ('подарок для невесты'), *białe raki* ('яйца').

Еще одним популярным атрибутом в идиоматике славянских народов является прилагательное *черный*: укр. *чорне діло*, болг. *черен като камран* (ср. рус. *черен как смоль*), рус. *оставить на черный день*, *черный рынок*, пол. *wpisać do czarnej księgi* (ср. рус. *вписать в черный список*) и др. Любопытно, что у поляков атрибут *czarny* употребляется чаще, чем у русских, и не всегда дается с отрицательной коннотацией (может быть, это и способствует увеличению): *czarna łabędź* (досл. черный лебедь, в знач. 'редкая птица, белая ворона'), *on się czarnej krowy boi* (досл. он даже черной коровы боится, в знач. 'очень пугливый'). Можно отметить безэквивалентные сочетания в языках. Это прежде всего реалии политического режима: рус. *черный воронок* ('в годы сталинских репрессий: закрытый автомобиль для перевозки арестованных') – пол. *czarna chmura* (досл. черная туча, в знач. 'комиссар полиции'), а также в польском языке словосочетания, относящиеся к религии: *Czarna Madonna* (икона Богородицы из г. Ченстохова), *czarne bractwo* ('иезуиты'), *czarny dzień* ('Великая Пятница'). К специфическим польским относятся и сочетание *Czarny Duch = Mamuna, Bogina* ('дух, забирающий детей ночью').

Если рассмотренные выше цветовые атрибуты воспринимаются славянами, как правило, однозначно: либо со знаком плюс (*белый – biały*), либо – минус (*черный – czarny*), то компонент фразеологических единиц *зеленый – zielony* совмещает в себе и положительные, и отрицательные характеристики. С одной стороны, это позитивная оценка, включающая понятия 'молодость, естественная природа', с другой – негативное восприятие с ключевыми значениями 'болезнь, недомогание, злоба'. Лексема *зеленый* относится к общеславянскому фонду, в древнерусском языке слово *зель* обозначало 'молодая озимь, зелень', позже понятие 'молодость' четко закрепилось за прилагательным *зеленый*. Примеры эмоционально положительного восприятия компонента *зеленый – zielony* в идиоматике обоих народов: в значении 'помощь, разрешение чего-либо' – рус. *давать зеленый свет* (совр. знач. 'устранять препятствия'), *открывать зеленую улицу* (можно отметить, что последнее выражение претерпело изменение семантики: в дореволюционной России <пройти> *зеленую улицу* ('испытать наказание шпицрутенами'), вероятно, воспринималось как негативное); пол. *teren zielony* ('скверы, газоны парки в городе'). Сюда же, на наш взгляд, можно отнести устойчивое сочетание *Zielone Świątki* (досл. зеленые праздники, в знач. 'Троица'). Позитивную оценку компонента *зеленый – zielony* можно отметить и в значении 'молодой, неопытный': рус. *молодо-зелено* – пол. *zielone pojęcie* (досл. зеленое понятие, в знач. 'незнание чего-либо'). Как нам представляется, здесь нет критической оценки, скорее это признание за человеком права на ошибку. Для народов характерно одинаковое восприятие цвета *зеленый – zielony* при характеристике нетипичных для человека состояний, при этом цвет ассоциируется уже с негативной стороной действительности: рус. в значении 'плохое самочувствие, дискомфорт' – *тоска зеленая, в глазах зеленеет* –

пол. в значении ‘испуг, негодование’ – *zielony z przerażenia, ze złości* (досл. ‘зеленый от испуга, со злости’). Можно привести еще ряд примеров использования атрибута *зеленый* в идиоматике русского языка, значения которых не соотносятся с польским: *зеленый змий* (‘алкоголь’), *зеленые фуражки* (‘пограничные войска’) и еще один специфичный междоимный фразеологизм, передающий разнообразную гамму чувств: досада, восхищение, недоумение и проч.: *елки зеленые* (по значению сопоставимо с польским *rzęka krew*).

Выводы. В целом, использование эквивалентных цветовых атрибутов практически не отличается у славянских народов: с положительной коннотацией используются компоненты: *белый – biały, зеленый – zielony*, с отрицательной: *черный – czarny, желтый – żółty, серый – szary*. На наш взгляд, при переводческой практике, а также в условиях коммуникации следует учитывать возможное несоответствие в оценке цветовых компонентов.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Язык. Познание. Культура / А. Вежбицкая. – М., 1996.
2. Григорьева О.Н. Цвет и запах власти. Лексика чувственного восприятия в публицистике и художественных текстах. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 248 с.
3. Словник українських ідіом. – Київ, 1968.
4. Словник української мови. – Київ: Наукова думка, 1973-1979.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
6. Чукалов С.К. Русско-болгарский словарь. 50000 сл. – М.: Русский язык, 1986.
7. Ryszard Stypuła. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski / Ryszard Stypuła. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974.
8. Skoruhka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1987.
9. Słownik poprawnej polszczyzny. – Wyd. 18. – Warszawa: PWN, 1995.

Поступила в редакцию 16.02.2006 г.